

Елена Николаевна ЯРКОВА¹

УДК 316

МИГРАЦИЯ: ТИПОЛОГИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

¹ доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Тюменский государственный университет
mimus.lena@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению этнокультурных аспектов миграционных процессов. В качестве предмета исследования выступает этнокультурная политика государственных реципиентов. По убеждению автора, последствия миграции во многом определяются содержанием этой политики. Цель исследования — экспликация основных типов этнокультурной политики миграции, выявление их конструктивной или деструктивной направленности. Методологическая основа исследования — метод идеальной типизации, нацеленный на формирование системы идеальных типов этнокультурной политики. Выделяются три основных типа этнокультурной политики государственных реципиентов, названные по аналогии с формами речевой организации: монолог, полилог, диалог. Демонстрируется, что в рамках монолога и полилога возможны как изоляционистские, так и ассимиляционные тенденции. Обозначенные идеальные типы этнокультурной политики соотносятся с такими феноменами, как сегрегация, ассимиляция, мультикультурализм, плюралистическая интеграция. Демонстрируется их явная или латентная деструктивность. В качестве основного недостатка этнокультурной политики монолога и полилога выявляется отсутствие «срединной культуры». Утверждается, что единственно продуктивным типом этнокультурной политики является диалог, в котором синтезируются идеи культурного разнообразия и культурного единства. Диалог рассматривается как этнокультурная политика, направленная не только на сохранение и развитие культуры мигрантов, но и на постро-

Цитирование: Яркова Е. Н. Миграция: типология этнокультурной политики / Е. Н. Яркова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. № 2. С. 25-35.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-25-35

ение «срединной культуры». Автором констатируется, что предлагаемые идеальные типы этнокультурной политики есть инструменты анализа реальных миграционных процессов. Полученные посредством их использования знания могут служить предупреждением о реальных или потенциальных деструктивных феноменах в сфере миграционных процессов, а также указывать пути их преодоления, урегулирования.

Ключевые слова

Миграционная политика, монолог, полилог, диалог.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-25-35

Миграция в современном мире приобрела столь широкие масштабы и столь разрушительный характер, что ее можно рассматривать как одну из глобальных проблем современности.

Само слово «миграция» обросло негативными коннотациями, практически стало синонимом понятия «дезорганизация». Вместе с тем, миграция — разнообразный по формам (внешняя — внутренняя, организованная — стихийная, насильственная — добровольная, массовая — единичная, временная — постоянная и т. д.), сложный по содержанию (политическая, экономическая, этнокультурная, религиозная), многоступенчатый по структуре (стадия потребности в миграции, стадия перемещения, стадия адаптации) и неоднозначный по своим последствиям процесс. Миграция может нести как позитивные, умножающие благо отдельного человека и общества, так и негативные, контрпродуктивные по своей сути изменения.

Сегодня все более очевидным становится тот факт, что для получения максимально полной картины причин, факторов, движущих сил, направленности, характера миграционных процессов необходимо особое, стереометрическое, охватывающее различные плоскости и планы видение этого явления. Анализируя миграционные процессы, чрезвычайно важно учитывать и рассматривать различные их аспекты, избегая соблазна упрощенных редуccionистских выводов.

Однако ориентация на многоаспектный подход не исключает возможности специализированных исследований, обращенных к изучению отдельных сторон миграционных процессов, определенных их стадий. Цели и задачи такого рода исследований — приращение уже имеющегося научного знания относительно миграционных процессов, тем самым усовершенствование практики управления ими.

В предлагаемом вниманию читателя исследовании речь будет идти о наименее изученном и наиболее сложном, в силу своей иррациональной размытости, этнокультурном аспекте миграционных процессов. Помимо этого, мы ограничим предметное поле наших исследований третьей стадией миграционных процессов — стадией адаптации, в рамках которой происходит встреча двух культур — культуры государства-реципиента и культуры мигрантов. Характер

отношений этих двух культур во многом, если не во всем, зависит от этнокультурной политики государства-реципиента. Не будет большим преувеличением утверждение, что эта политика, в конечном счете, определяет тот способ адаптации, который будет практиковаться мигрантами.

Этнокультурная политика государства — материя достаточно тонкая и, в силу часто практикуемых двойных стандартов, писанных и неписанных правил и норм, не всегда поддающаяся однозначной экспликации. Однако абстрагируясь от частных и деталей, прибегая к методологии идеальной типизации, можно выделить некоторые типы этой политики, которые мы обозначим по аналогии с формами речевой организации: монолог, полилог, диалог. Как представляется, именно эти понятия наиболее точно отражают этнокультурную политику государств-реципиентов по отношению к этническим культурам, носителями которых являются мигранты. Итак, рассмотрим названные типы этнокультурной политики относительно мигрантов.

Монолог — один из исторически ранних типов этнокультурной политики относительно мигрантов. В качестве смыслового фундамента монологической политики выдвигается идея культурного монизма (монокультурализма), суть которой заключается в убеждении, согласно которому культурой может именоваться только этническая культура государства-реципиента, культура мигрантов есть «антикультура», воплощение дикости и варварства, недоразвитости и отсталости. На фундаменте этих представлений выстраиваются две разновидности монологической этнокультурной миграционной политики: изоляционистская и ассимиляционная. Обе эти разновидности этноцентричны, с той разницей, что изоляционистская являет собой образец интровертности, а ассимиляционная — экстравертности.

Основанный на идее абсолютизации этнической культуры государства-реципиента и неприятия культур мигрантов изоляционистский монолог родом из культурной архаики. Присущий ему комплекс культурного аутизма восходит к племенной психологии, в рамках которой «чужие» оценивались как «нелюди», а их традиции и обычаи — как олицетворение разрушающего мировой порядок хаоса.

Классическим примером политики изоляционистского монолога по отношению к мигрантам является миграционная ситуация в США XVIII-XIX вв. относительно африканских мигрантов — рабов. Курьезное описание этой политики дает Р. Такаки, по свидетельству которого, цвет кожи африканских мигрантов рассматривался как «большая веснушка» — результат заразной болезни, вызванной повышенной их сексуальностью. На этом основании близкие контакты с афроамериканцами рассматривались как чрезвычайно опасные и аморальные для добропорядочных белокожих американцев. В качестве главного способа лечения «болезни» афроамериканцев определялся физический труд, эффективность которого подтверждалась таким доказательством, как «побеление» пальцев у старательно работающих чернокожих рабов [12]. Разумеется, в таком контексте даже речи не могло идти об уважительном

отношении к культуре афроамериканцев. Последние позиционировались как изначально ущербные не только в физиологическом, но и ментальном плане. Похожая ситуация сложилась в ЮАР в эпоху апартеида, вплоть до конца прошлого века этнокультурной дискриминации были подвержены корейские мигранты в Японии [6, с. 61].

Этнокультурная политика изоляционистского монолога лежит в основе стратегий этнокультурной сегрегации, в условиях которой культура мигрантов рассматривается как нечто подлежащее радикальному искоренению, зачастую путем маргинализации, социальной депривации или физического устранения ее носителей. Теоретическое обоснование такого рода политика находила в псевдонаучной расово-антропологической концепции культуры (А. Гобино, Ж. В. де Ляпуж, О. Аммон), сводящей культуру к телесной организации человека, культивирующей оценочный подход к человеку и культуре по шкале «лучше — хуже» [8, с. 123-125]. Сегодня политика изоляционистского монолога де-юре ушла в прошлое, однако ее отголоски де-факто присутствуют в настоящем. Одним из подобного рода отголосков можно считать мигрантофобию — бытующие в общественном сознании мифы о вредности миграции и мигрантов. Серьезную роль в формировании мигрантофобии в России играют, по мнению исследователей, пресса и ТВ, работники властных и исполнительных структур [3, с. 5].

Ассимиляционный монолог как тип этнокультурной политики зиждется на идее абсолютизации этнической культуры принимающей страны и необходимости поглощения этнических культур мигрантов. Эта политика находит теоретическое обоснование в теории классического эволюционизма (Э. Б. Тайлор, Д. Д. Фрезер и др.), в рамках которого складывается представление о «передовых» и «отсталых» культурах [8, с. 289-293]. Последние, согласно такой логике, подлежат «насильственному окультуриванию», т. е. приобщению к высоким культурным образцам государств-реципиентов.

Одним из ярких примеров ассимиляционного монолога можно считать «англоконформизм», практикуемый в США в конце XIX — начале XX в. Известный американский социолог М. Гордон рассматривает «англоконформизм» как обобщенное понятие, используемое для обоснования требования поддержания английских институтов (определенных американской революцией), английского языка и культурных английских образцов как стандарта американской жизни [11, с. 85].

К монологическому ассимиляционному типу можно отнести этнокультурную политику «плавильного котла», пришедшего на смену потерпевшему после Первой мировой войны крах «англоконформизму» и ставшего на долгие годы национальным символом США. Однако «плавильный котел», понимаемый как культурное и биологическое «сплавнение», «смешивание» народов, направленное на формирование некоей гомогенной общности, оказался неосуществимой утопией. Гомогенизация культуры наткнулась на многочисленные препятствия и конфликты [7].

Необходимо констатировать, что обе монологические стратегии — ассимиляционная и изоляционистская — в социальном плане контрпродуктивны. Замирающая рост многообразия и сложности культуры, они снижают энергетический потенциал выживаемости общества. Замечу также, что эти стратегии носят архетипический характер: в их основе лежит не рациональный поиск решения возникшей проблемы, но апелляция к некоторым готовым, обладающим необыкновенной стойкостью и актуализирующимся в критические моменты социального бытия образцам поведения.

Полилог как тип этнокультурной политики относительно мигрантов — антитеза монолога. В его основе лежит представление о многообразии культурного универсума, культурном плюрализме. Подобно монологу, полилог также имеет две стратегические разновидности: изоляционистскую и ассимиляционную.

Изоляционистский полилог базируется на представлении о равноценности культур, которое соединяется с убеждением о недостижимости их взаимопонимания вследствие того, что иная культура есть непроницаемая для инокультурного взгляда «вещь в себе». Такие воззрения в целом типичны для современной миграционной ситуации на постсоветском пространстве, где достаточно зримой была и есть тенденция размежевания народов по этническому признаку, что порождает разнонаправленные потоки мигрантов, стремящихся заполнить свою этническую ячейку на территории бывшего СССР, вытеснив из нее инокультурные элементы. Такого рода «сортировочная» миграция питается, как правило, националистическими лозунгами: «Россия для русских!», «Эстония для эстонцев!» и т. д.

Как представляется, в качестве примера изоляционистского полилога можно привести широко практикуемую в Европе и США в конце прошлого века политику мультикультурализма. Эта политика сформировалась как оппозиция политики «плавильного котла». Ее пафос концентрировался вокруг идеи сохранения культурной самобытности мигрантов, включая язык и образование, культурное наследие и народные традиции. Идея мультикультурализма находит теоретическое обоснование в концепции культурно-исторических типов (Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Ж. Тойнби), в рамках которой каждая культура рассматривается как уникальный, имеющий свой неповторимый гештальт, организм [8, с. 267-277]. Современный мультикультурализм исходит из двух основных идей: мозаичности мира культуры и толерантности (терпимости) как главной стратегии межкультурных коммуникаций.

Как представляется, подобно концепции «плавильного котла», концепция мультикультурализма в достаточной степени утопична, а в некоторых случаях и деструктивна. Например, Джон Сёрл, критикуя радикальный мультикультурализм американского образования, утверждает, что иницируемый им отказ от преподавания универсальной общечеловеческой культуры приводит к тому, что «мы преподаем узкий провинциализм, сектантство, внушающие человеку, что

его самые важные свойства — это его раса, пол, этническая или классовая принадлежность» [5, с. 85].

Ассимиляционный вариант полилога менее радикален и, вследствие этого, двойствен по своей сути. Он формируется в результате наложения принципов культурного плюрализма и культурного монизма. Исходной позицией ассимиляционного полилога является убеждение, согласно которому существует некая единая надэтническая культура, которая выступает как сущностный инвариант этнических культур. Последние, в таком видении, являются лишь этнографическими вариациями некоторой универсальной культурной основы. Такого рода конструкция составляла остов советской национальной политики, которая на протяжении семи десятков лет выполняла функцию одного из смысловых движителей миграционных процессов на территории СССР. Ключевой идеей этой политики была идея соединения национальных и интернациональных ценностей, под эгидой последних. Это идея, закрепленная в крылатом сталинско-ждановском определении советской культуры как «национальной по форме и социалистической по содержанию». Она детально излагалась, например, в третьей Программе КПСС, где есть такие строки: «Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением полного единства» [4, с. 113]. По замыслу советских идеологов, интернациональная культура должна была складываться за счет вычленения социалистических элементов из каждой национальной культуры. При этом в качестве теоретического критерия классификации этнокультур выдвигался эволюционистский по своей сути формационный подход. В результате экономическая отсталость или прогрессивность отождествлялись с культурной отсталостью или прогрессивностью. Например, русская культура в сравнении с культурами народов Средней Азии, Казахстана котировалась как более прогрессивная, отсюда и доля ее элементов в интернациональном культурном симбиозе была более высока. Квалификация киргизов, казахов, таджиков, туркмен и др. как «отсталых братских народов» определяла тональность государственной миграционной политики, которая отливалась в форму бескорыстной помощи «обиженным колониальным режимом инородцам». Носителями культурной преобразовательной миссии в республиках Средней Азии, Казахстане были посланцы России — научная, художественная, техническая интеллигенция, высококвалифицированные рабочие. Насаждение культурных ценностей и благ осуществлялось ускоренными, директивными методами. Однако эта направленная на тотальное окультуривание миграция носила искусственный характер и, так или иначе, сопровождалась русификацией «отсталых народов». Невероятно быстрые темпы развития культур титульных этносов «братских социалистических республик», как показал постсоветский опыт, были обусловлены не столько качественными изменениями их этнического менталитета, сколько созданием «тепличных условий», способствующих количественному накоплению различного рода артефактов. Сегодня ни для кого не секрет, что пролонгируемая партией

и правительством СССР идея «стирания национальных различий» оказалась не просто утопичной, но и высококонфликтогенной. И это не случайно. Дело в том, что как ассимиляционная, так и изоляционистская модификации полилога антиномичны по своей природе. Они имеют два вектора динамики: прогрессивный и регрессивный, т. е. содержат определенный потенциал для перехода к более продвинутым диалогическим стратегиям миграции, одновременно несут тяжелый груз монологизма, что делает вероятным возвратное движение к монологическим, малопродуктивным в плане развития этнокультур миграционным стратегиям.

Замечу, что политика ассимиляционного полилога находит воплощение в современном западном мире, где она рассматривается как политика, преодолевающая недостатки англоконформизма, «плавильного котла» и мультикультурализма. Например, Чертина полагает, что в 90-е гг. в США складывается новый тип этнокультурной политики — плюралистическая интеграция: «США на своем примере показывает, что полиэтническое государство не может быть просто блоком народов, а непременно преобразует их в сплав, где создается нечто новое за счет взаимного влияния» [7, с. 140].

Диалог как тип этнокультурной политики относительно мигрантов формируется в результате синтеза монологических и полилогических стратегий миграции. Диалогическая логика, отвергая монокультурный и мультикультурный радикализм как принципы в равной степени губительные для человечества, выдвигает принцип культурного синтеза.

С одной стороны, диалог возникает в качестве оппозиции различным формам аргументации, направленным в защиту монологических стратегий. Артикулируя принцип многополюсности мира, диалогическая стратегия ориентирует на сохранение и развитие культурного многообразия.

С другой стороны, диалогическая логика отталкивается от представления, согласно которому границы между культурными сообществами релятивны, эпоха изолированного развития этнических культур ушла в прошлое, они существуют друг через друга благодаря взаимному обогащению, межкультурная коммуникация составляет ткань общечеловеческой культуры. Об этом вдохновенно пишет В. Библер, позиционирующий самую культуру как диалог культур: «... культура есть форма общения (диалога) культур. Культура есть там, где есть две культуры... Культура — это грань культур, момент их взаимоначинания и взаимовосстановления как культуры» [2, с. 234].

Таким образом, специфика диалога как типа этнокультурной политики относительно мигрантов заключается не в том, что она соединяет два противоположных принципа — принцип культурного монизма и принцип культурного плюрализма, но в том, что посредством этой политики утверждается принципиально новый принцип — принцип синтеза разнонаправленных стратегий, принцип «срединной культуры» (Бердяев). Диалогическое видение мира культуры предполагает, что этот мир подвижен и изменчив. Этнические культуры не константны, они подлежат развитию. Следовательно, создание «срединной

культуры» — не разовая акция, а устремленный в будущее процесс. Сюжетно это может быть выражено как способность этнических культур, сохраняя и развивая ценности своей культуры, ее самобытные и неповторимые черты, быть готовыми к формированию межкультурных ценностей и смыслов. Диалогический способ мышления выражается в способности находить общий язык, не утрачивая при этом свой собственный. Такого рода позицию хорошо иллюстрируют слова Ч. Айтматова, чье творчество можно рассматривать как воплощение диалогизма: «Каждый этнос вносит свой уникальный вклад в планетарную культуру. Национальная культура сейчас не может развиваться вне общего исторического контекста данной эпохи. Способность одной нации осваивать достижения другой — важный критерий жизнеспособности ее культуры. И это качество, обогащая свою нацию, позволяет щедро делиться своими духовными ценностями с другими, обеспечивать взаимопонимание людей, их восприятие инонациональных ценностей» [1, с. 22].

Ставка на диалогизм является наиболее действенным механизмом преодоления конфликтогенности, достижения социального согласия. Это происходит, по-видимому, еще и потому, что диалог — это всегда не обобщение, но общение. М. Бубер определяет диалог как форму коммуникации, в русле которой отношения складываются не по формуле «я — безличное оно», но как «я — и персонализированное ты» [10].

В сущности, специфика диалогизма как этнокультурной политики в отношении мигрантов заключается в том, что он не задает некоторых готовых образцов миграционного поведения, в его ценностно-смысловом пространстве миграция — результат личностного выбора человека, продукт рефлексии, в процессе которой формируются смыслы, отвечающие сложившемуся многообразию и сложности мира. Диалог — это, таким образом, не только внешняя стратегия поведения, но и внутренний принцип самоорганизации личности, руководимый требованием сопряжения свободы и ответственности. Как представляется, именно диалогическая стратегия миграции является созидательной по своей сути, способствующей развитию как этнических культур, так и культуры человечества в целом. К. Ясперс утверждал, что истинное единство человечества возможно только в воле к беспредельной коммуникации многообразных исторических истоков человечества, сопричастных, но не тождественных, в качестве бесконечной задачи, которая стоит перед не знающими завершения человеческими возможностями [9, с. 269-270].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айтматов Ч. Национальное и глобальное в культуре: единство и разнообразие культур / Ч. Айтматов // Центральная Азия и культура мира. 1997. № 2-3. С. 19-28.
2. Библер В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков / В. С. Библер. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.

3. Мигранты, мигрантофобия, миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М.: Центральный Дом адвоката, Московское бюро по правам человека, Academia, 2014. 245 с.
4. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1976. 255 с.
5. Сёрл Д. Политика и гуманитарное образование / Д. Сёрл // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 76-90.
6. Сунгуров А. Ю. Миграционная политика: сравнительный анализ зарубежного опыта и некоторые рекомендации для России / А. Ю. Сунгуров // Публичная политика. 2010: сборник статей / под ред. М. Б. Горного и А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2011. С. 59-75.
7. Чертина З. С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США / З. С. Чертина. М.: РАН. Ин-т всеобщ. истории, 2000. 163 с.
8. Яркова Е. Н. История и методология науки / Е. Н. Яркова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. 320 с.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М.: Республика, 1994. 527 с.
10. Buber M. I and Thou / M. Buber. 36th edition. New York: Charles Scribners & Sons, 1970. 192 pp.
11. Gordon M. M. Assimilation in American Life / M. M. Gordon. New York: Oxford University Press, 1964. 276 pp.
12. Takaki R. Iron Cages: Race and Culture in 19th Century America / R. Takaki. Oxford University Press, USA, 2000. 400 pp.

Elena N. YARKOVA¹

MIGRATION: TYPOLOGY OF ETHNO-CULTURAL POLICY

¹ Dr. Sci. (Philos.), Professor,
Department of Philosophy,
Tyumen State University
mimus.lena@mail.ru

Abstract

The article is devoted to ethno-cultural aspects of migration processes. As the subject of the research, the ethno-cultural policy of recipient states is studied. According to the author, the effects of migration are largely determined by the content of this policy. The purpose of the research is the explication of the main types of ethno-cultural politics of migration, revealing their constructive or destructive direction. Methodological basis of the study is the ideal typing, aimed at the formation of the ideal types of ethno-cultural policy. There are three main types of cultural policy in recipient countries: a monologue, a polylogue, a dialogue. This article demonstrates that in the framework of a monologue and polylogue both isolationist and assimilationist tendencies are possible. Marked ideal types of ethno-cultural policy relate to such phenomena as segregation, assimilation, multiculturalism and pluralistic integration. The author demonstrates their explicit or latent destructiveness. In conclusion, it is noted that the proposed ideal types of ethno-cultural policies are the tools of the analysis of actual migration processes. Knowledge, generated by its use, can serve as a warning about the possible destructive phenomena in the sphere of migration processes, and to specify ways of their overcoming.

Keywords

Migration policy, monologue, dialogue, polylogue.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-25-35

Citation: Yarkova E. N. 2017. "Migration: Typology of Ethno-Cultural Policy". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 3, no 2, pp. 25-35.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-25-35

REFERENCES

1. Aytmatov Ch. 1997. "Natsional'noe i global'noe v kul'ture: edinstvo i raznoobrazie kul'tur" [National and Global Culture: the Unity and Diversity of Cultures]. *Tsentral'naya Aziya i kul'tura mira*, no 2-3, pp. 19-28.
2. Bibler V. S. 1997. *Na granyakh logiki kul'tury. Kniga izbrannykh ocherkov* [On the Faces of the Logic of Culture. The Book of Selected Essays]. Moscow: Russian phenomenological society.
3. Mukomel V. I. (ed.). 2014. *Migranty, migrantofobiya, migratsionnaya politika* [Migrants, Migrant-Phobia, Migration Policy]. Moscow: Tsentral'nyy Dom advokata, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, Academia.
4. 1976. *Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [The Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Politizdat.
5. Searle D. 2001. "Policy and Humanitarian Education". *Notes of the Fatherland*, no 1, pp. 76-90.
6. Sungurov A. Yu. 2011. "Migratsionnaya politika: sravnitel'nyy analiz zarubezhnogo opyta i nekotorye rekomendatsii dlya Rossii" [Migration Policy: A Comparative Analysis of the Foreign Practices and Some Recommendations for Russia]. In: Gorny M. B., Sungurov A. Yu. (eds). *Publichnaya politika. 2010. Sbornik statey*. Pp. 59-75. St. Petersburg: Norma.
7. Chertina Z. S. 2000. *Plavil'nuy kotyol? Paradigmy eticheskogo razvitiya SShA* [Melting Pot? Paradigmes of the USA Ethnic Development]. Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Universal History.
8. Yarkova E. N. 2007. *Istoriya i metodologiya nauki* [History and Methodology of Science]. Tyumen: Tyumen State University Publishing House.
9. Jaspers K. 1994. *Meaning and Purpose of History*. Moscow: Respublika.
10. Buber M. 1970. *I and Thou*. 36th edition. New York: Charles Scribners & Sons.
11. Gordon M. M. 1964. *Assimilation in American Life*. New York: Oxford University Press.
12. Takaki R. 2000. *Iron Cages: Race and Culture in 19th Century America*. Oxford University Press, USA.